

«Театр Леси Украинки не заигрывает со зрителем, но уважает его. Уважает его тягу к простым истинам, ясным эмоциям, доверительному тону разговора».

Что выбрать – верность себе или отчаянные попытки угнаться за непонятным временем?

театр

Все постарели, кроме Чехова

Киев сегодня – это не только аккуратно отреставрированные знаменитые соборы и богатые новые здания а-ля Лужков на широких площадях, но и фрески Михаила Врубеля в старых действующих церквях, и потрясающий Музей Михаила Булгакова на Андреевском спуске, в экспозиции которого непостижимым образом сочетаются трагедия «Дома Турбиных» и торжество театрального, игрового подхода к жизни. Важной частью этого Киева большой русской культуры является Театр русской драмы имени Леси Украинки, располагающийся в двух шагах от Крещатика в уютно-торжественном здании Дома Бергонье, где актеры выходили на сцену еще в конце позапрошлого века. В музее прямо в фойе вы увидите любовно собранные костюмы и фотографии корифеев – здесь, между прочим, начинали свои карьеры Олег Борисов, Павел Луспекаев, Кирилл Лавров. Здесь много лет играла Ада Роговцева. Все это, вместе взятое, определило фирменный стиль, определило: принципиальный консерватизм, либеральную респектабельность, благородный тон и ставку на актеров, а не на режиссерское фронтдерство. Эти качества помогли театру выжить в те времена, когда вместе со старой жизнью рушились на глазах и самые прославленные театры-дома, театры-семьи – в Москве ли, Риге или том же

театра Михаил Резникович ставил еще в 1966 году, и спектакль тот был родом из шестидесятых – лирический, исповедальный. Документальная история отношений писателя с Ликой Мизиновой и Ольгой Книппер, запечатленная в удивительных письмах, перечитывать которые – не меньшее удовольствие, чем читать чеховские рассказы, занимательнее любого романа, поэтому тот, старый спектакль жил на сцене аж восемнадцать лет. И вот появился новый – правда, в той же сценографии Давида Боровского (органные трубы из берез, ставшие уже классикой) и с тем же Вячеславом Езеповым, ныне артистом Малого театра, в главной роли. Все постарели на треть века – кроме Чехова. Его мысли обо всем на свете («самолюбие и самомнение у нас европейские, а развитие и поступки азиатские»), любовно воспроизведенные в красивой и подробной программке как будто из другой жизни, подходят на все времена.

Резникович задумал спектакль резкий, трагический и страстный. Для этого он задал ему бешеный ритм, заставил актрис, как раненых птиц, метаться по сцене, а исполнителя роли брата Чехова – появляться в самые лирические моменты с больничной каталкой, на которой в финале и увезут тело писателя – из Баденвейлера в Россию в устричном вагоне. Режиссер дополняет текст

публицистическими высказываниями Чехова об интеллигенции, и, словно чувствуя, насколько противопоставлена публицистика самой творческой чеховской природе, тут же спешит снять ненужный пафос его же неподражаемой иронией («когда бездарная актриса ест куропатку, мне жаль куропатку, которая была во сто раз умнее и талантливее этой актрисы»). Лучшее всех замысел постановщика понял Вячеслав Езепов: он играет не элегического классика с бородкой и в пенсне, а гения, который за шутками прячет и глубокую страсть к Лике, и ярость от российских реалий, и тоску по уходящей, тающей на глазах жизни. Красивая и темпераментная Наталья

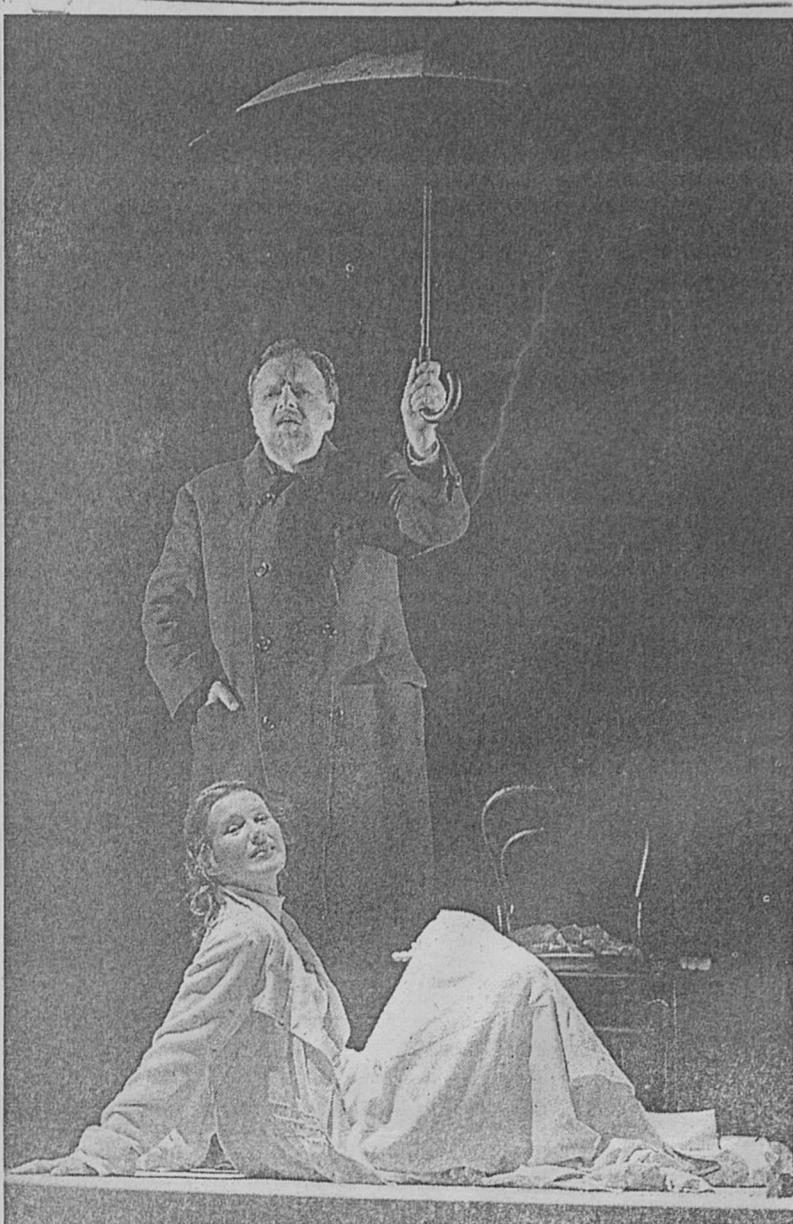
Киев. – и эти же его качества опровержно раздражают критику, ищущую реформаторского театра, чьи традиции на Украине всегда были особенно сильны.

Похожие проблемы в Москве: что лучше – верность себе или отчаянные попытки угнаться за непонятным временем? Старая, как мир, эмоция в театральном зале или постановочные шарлады, холодные и бесстрастные? Две премьеры в Театре Леси Украинки – «Насмешливое мое счастье» Леонида Малюгина и «Деревья умирают стоя» Александр Касоны – участвуют в этом споре.

Обе пьесы, мягко говоря, не новые. Пьесу Малюгина, основанную на переписке Чехова, главный режиссер

«Деревья умирают стоя»

«Насмешливое мое счастье»

Доля, покорившая Москву во время последних гастролей театра, в роли Лики предстает едва ли не единственным человеком, преданно и до конца любившим Чехова. Почему-то не повезло Книппер: она у режиссера и актрисы Ларисы Кадочниковой вышла каботинкой, женщиной властной, самовлюбленной и ревнивой – немало тому способствуют монологи Аркадиной, которые читает артистка.

В известном смысле спектакль Резниковича подводит итог целому этапу прочтения Чехова на отечественной сцене, почему режиссер и разбавил письма фрагментами пьес. В этом – или том – чеховском театре искренне страдали молодые прекрасные девушки в огромных шляпах, а между ними мучился «русский господин на randevу», творческая личность, страдающая не столько от женщин, сколько от несовершенства мира, в особенности очевидно – почему-то в России. Всеобщие страдания оказывались настолько созвучны настроению зрителей, что зал замирал от восторга, когда на сцене пел свою песню детский волчок в доме Прозоровых или под звуки военного марша навсегда уходил от трех сестер полк. Надо ли говорить, что и этот волчок – его запускают в финале, а все стоят вокруг, и этот марш есть в спектакле киевлян, как есть в нем и другие вольные или невольные цитаты из известных чеховских постановок. Здесь чувствуешь себя, как дома, где любую вещь найдешь на ощупь, не глядя. Зритель и откликается на спектакль, как на любимую мелодию, – с удовольствием и без ажиотажа.

Испанская мелодрама «Деревья умирают стоя» тоже возвращает в хорошо знакомую, хотя и подзабытую атмосферу. Ученица Резниковича Ирина Барковская посвятила спектакль памяти Леонида Варпаховского, знаменитого режиссера, ученика Мейерхольда и узника ГУЛАГа в течение семнадцати лет. Он тоже ставил в свое время пьесу Касоны – и посвятил постановку своему великому учителю. От этой переключки в спектакле осталась стена из сухого бамбука, использованного и в мейерхольдовском «Учителе Бубусе». Негиущий бамбук как символ твердости человеческого

духа – такая вот обезоруживающе бесхитростная метафора. Театральную сказку, которая на глазах у зрителей превращается в философскую притчу о том, что лучше – «тьма низких истин или нас возвышающий обман», – на киевской сцене рассказали без затей. Просто взяли и соединили гротескную завязку и драматический финал, в котором очень хороша Валерия Заклунная – Бабушка, не слишком задумываясь о том, как соединить несоединимое. Все доверили актерам – и, судя по реакции зала, не проиграли.

Театр Леси Украинки не заигрывает со зрителем, но уважает его. Уважает его тягу к простым истинам, ясным эмоциям, доверительному тону разговора. Писал же Чехов: «Публика, как она ни глупа, все-таки в общем умнее, искреннее и благодуще актерам и драматургам». Здесь хорошо понимают, что славные имена, о которых теперь напоминает, увы, лишь музей, – это не только история. Не просто так висят здесь эти портреты, а обязывают хранить то неуловимое и трудно поддающееся объяснению – театр ведь самое нематериальное из всех искусств, – что образует ауру театрального дома, его атмосферу. Тем, кто сегодня выходит на сцену, это доверили – и желание не предать, не обмануть других, великих, подкупает в нынешних обитателях этого дома едва ли не больше всего. Не говоря уже о том, что в Киеве, как и в Москве, увеселений много – мало культуры. Модно искать новые формы и немодно – хранить ту среду, на которой они только и могут произрасти. Конечно, все ждут прихода новых талантов, но они появляются не на пустом месте. И совсем неслучайно, что один из самых интересных украинских режиссеров-новаторов Андрей Жолдак – ученик Михаила Резниковича.

Киевский театр русской драмы – театр академический. В двадцатые годы прошлого века такие коллективы презрительно называли «аками», и левое революционное искусство боролось с ними не на жизнь, а на смерть. Проиграло. Сила традиции иногда оказывается жизнеспособнее самых крутых новаций.

Нина АГИШЕВА